

Особенности реализации принципа автономии воли сторон в гражданских правоотношениях в связи с использованием цифровых технологий

А. А. Ляужев

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Lyauzhev.AA@rea.ru

Features of Realization of the Principle of Autonomy of Will of the Parties in Civil Legal Relations in Connection with the Use of Digital Technologies

A. A. Lyauzhev

Postgraduate Student of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Lyauzhev.AA@rea.ru

Аннотация

В статье исследуются особенности реализации принципа автономии воли сторон в гражданских правоотношениях в условиях активного использования цифровых технологий. В связи с распространением цифровых технологий возникли новые правовые феномены, такие как цифровые финансовые активы, интеллектуальная собственность, созданная искусственным интеллектом, виртуальные атрибуты игровых сред, наследование учетных записей в социальных сетях, смарт-контракты и причинение вреда в виртуальном пространстве. Эти явления требуют переосмысления традиционных подходов к автономии воли сторон. В статье подчеркивается необходимость законодательного закрепления конкретных вариантов цифровой формы юридически значимых сообщений, что обеспечит более четкое и единообразное применение законодательства, повысит доверие участников гражданских правоотношений к цифровым технологиям и упростит деловой оборот. Также рассматриваются текущие пробелы в законодательстве и практике, связанные с цифровой формой волеизъявления, и предлагаются пути их устранения. Предметом исследования являются особенности реализации принципа автономии воли сторон в гражданских правоотношениях в связи с использованием цифровых технологий. Методологической основой исследования являются общенаучные методы познания – диалектический и логический, а также специальные: сравнительно-правовой, метод системного анализа, социологический, формально-юридический, статистический методы. Научная новизна заключается в попытке автора переосмыслить универсальное понимание концепции интересов и тесно связанной с ней воли в контексте правовой теории с учетом повсеместного использования цифровых технологий, в том числе в целях упрощения правоприменительной практики, а также повышения доверия участников гражданских правоотношений к использованию цифровых технологий, что также может способствовать ускорению и упрощению делового оборота.

Ключевые слова: цифровая форма, юридически значимые сообщения, цифровые финансовые активы, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, виртуальные атрибуты, смарт-контракты, законодательное регулирование, теория интересов, воля в контексте правовой теории.

Abstract

In the digital age, legally significant communications are increasingly taking place in electronic formats, yet current laws lack clear rules governing their validity and enforceability. This regulatory gap creates uncertainty and undermines trust in digital transactions. To address this, legislators should establish explicit requirements for various digital communication forms that are no stricter than those for traditional contracts. Enshrining clear standards would simplify enforcement, boost confidence in digital technologies, and facilitate smoother business operations. However, regulators must also grapple with emerging challenges like exploiting user data to algorithmically predict and influence human behavior. Unchecked, such manipulative practices could erode

autonomy and societal trust. Adaptive regulatory frameworks are needed to safeguard cognitive liberty while still allowing digital innovation to flourish. By fortifying legal certainty around digital acts while protecting against insidious behavior modification, lawmakers can cultivate an environment conducive to responsible technological progress aligned with human values and liberties. The subject of the study is the specifics of the implementation of the principle of autonomy of the will of the parties in civil relations in connection with the use of digital technologies. The methodological basis of the research is the general scientific methods of cognition: dialectical, logical, as well as special: comparative legal, method of system analysis, sociological, formal legal, statistical. The scientific novelty lies in the author's attempt to rethink the universal understanding of the concept of interests and closely related will in the context of legal theory, taking into account the widespread use of digital technologies, including in order to simplify law enforcement practice, as well as increase the confidence of participants in civil relations in the use of digital technologies, which can also accelerate and simplify business turnover.

Ключевые слова: digital communications, legally significant messages, contractual formation, legislative gaps, autonomy of will, digital technologies, business transactions, algorithmic management, personal data, antitrust investigations, information systems, manipulative practices, theory of interests, will in the context of legal theory.

Цифровизация не только приводит к появлению новых правовых институтов, но и изменяет устаревшие цивилистические конструкции, существующие уже много веков. В этой связи в цивилистической науке все чаще звучат доводы о необходимости использования новых регуляторных механизмов для безопасного и эффективного использования цифровых финансовых активов при защите интересов инвесторов. Создание объектов интеллектуальной собственности с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ) проблематизирует традиционные концепции авторства и собственности. Правовое регулирование виртуальных игровых сред требует решения вопросов о правовом режиме виртуальных объектов и защите прав потребителей. Наследование цифровых активов затрагивает конфиденциальность, защиту данных и права наследников. Смарт-контракты повышают эффективность, но требуют юридического определения и механизмов разрешения споров и обеспечения исполнения [3].

На сегодняшний день люди, участвующие в гражданском обороте, практически ежедневно делают различные волеизъявления, причем с каждым днем все больше их количество осуществляется в цифровом формате. Однако часто пользователи не осознают особенностей этой формы и, следовательно, не могут учитывать все связанные с ней риски и проблемы.

Исследователи из различных стран акцентируют внимание на том, что операторы информационных систем в настоящее время обладают возможностью применения онлайн-данных для создания алгоритмов, способных предсказывать и модифицировать поведение пользователей,

причем последние зачастую не осведомлены о подобном влиянии. В свете этих находок международные эксперты выдвигают предложения по созданию адаптивных регуляторных механизмов. Такие механизмы должны регулировать процессы сбора данных и воздействия на человеческое сознание, тем самым ограничивая потенциальные злоупотребления в этой области [6**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В академических кругах России существует консенсус с международным научным сообществом относительно серьезности угрозы, связанной с манипуляцией человеческим подсознанием и поведением. Несмотря на аргументы, указывающие на историческую предрасположенность к подобным практикам, пренебрегать социальными рисками таких действий считается неприемлемым. Это подчеркивает необходимость активной оценки и возможного противодействия явлениям, связанным с данной проблематикой, в современном обществе [5].

В современной цифровой экосистеме аналитика больших данных может быть использована для скрытого влияния на общественное сознание. Это позволяет выявлять участки когнитивной уязвимости в большом количестве профилей пользователей и обходить индивидуальные рациональные механизмы контроля. В результате в обществе может быстро упасть уровень доверия, что грозит потерей рычагов управления, анархией, революцией и другими негативными последствиями [4**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

В контексте современной эпохи прогресс в технологиях значительно усилил эффективность и экономическую привлекательность цифровых

взаимодействий с обществом. Это, в свою очередь, поддерживает непрерывное развитие данной сферы. Различные цифровые платформы, такие как социальные медиа, системы видеоконференций, платформы виртуальной реальности (например, VR-чаты), приложения, использующие технологию дополненной реальности (например, Pokemon Go), и блокчейн-игры (Upland и др.) расширяют возможности для интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь и общественные процессы. Эти технологии предоставляют пользователям возможности для взаимодействия и обмена знаниями через инновационные цифровые каналы [2].

В современную эпоху технологического прогресса происходит разработка и внедрение концепции, известной как «метавселенная». Эта интегрированная цифровая экосистема сливает элементы физической, дополненной и виртуальной разновидностей реальности в единое целое. Основная цель метавселенной заключается в фасилитации процесса цифровой трансформации, затрагивающей различные аспекты повседневной жизни человека. Это открывает перед нами новые механизмы для интерактивного общения и обмена информацией, обогащая пользовательский опыт и расширяя границы возможного в цифровом взаимодействии.

28 октября 2021 г. Марк Цукерберг объявил о создании компании Meta Company¹ с целью развития метавселенной. Из его публичных выступлений следует, что концепция виртуальной вселенной способствует формированию обширной цифровой экономики. Эта экономика в основном основывается на коммерческих операциях с товарами, включая одежду, домашних животных, транспортные средства и другие предметы (но не ограничиваясь ими), которые могут быть созданы и проданы в рамках цифрового пространства. Этот процесс подразумевает не только новые возможности для торговли, но и стимулирует инновационное развитие продуктов в цифровом формате. Очевидно, что цифровые рабочие места и услуги также будут пользоваться большим спросом².

¹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

² Enter the metaverse: the digital future Mark Zuckerberg is steering us toward. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2021/oct/28/facebook-mark-zuckerberg-meta-metaverse>

В современном цифровом ландшафте значение интересов, особенно тех, которые имеют социальные последствия, невозможно недооценить. Рост цифрового посредничества в отношениях, несомненно, нарушил естественный порядок формирования интересов. Следовательно, возникает необходимость переоценки интересов не как неотъемлемых атрибутов, а как юридически признанных конструкций. Каждый участник таких отношений должен признать и определить свою широкую категорию интересов с правовой точки зрения.

В данном анализе необходимо переосмыслить наше понимание концепции интересов и тесно связанной с ней воли в контексте правовой теории. Принято считать, что интерес является категорией, которая обладает как объективными, так и субъективными характеристиками, поскольку интерес, который не признается законом, не может иметь юридической силы. В рамках современной цифровой эпохи становится очевидным, что формирование интересов тесно связано с процессом оценки действий, направленных на удовлетворение базовых человеческих потребностей. Эти потребности отражаются через последующие оценки, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Поведение, которое получает положительную оценку от множества членов общества и подвергается реэvaluации в различных контекстах, воспринимается как объективированное благо, обладающее исторически сложившейся ценностью. Основные общественные интересы, таким образом, манифестируются в виде субъективных прав, часто закрепленных в определенных правовых формах.

Рассмотрение предпосылки, что субъективные права проистекают из интересов, подчеркивает важность не только признания, но и гарантирования свободы формирования этих интересов. Если свобода формирования интересов не будет закреплена на законодательном уровне, содержание интересов, которое подвержено историческим изменениям, может препятствовать самому процессу их формирования. Таким образом, для поддержания возможности генерации и адаптации интересов в соответствии с изменяющимися условиями необходимо признать и юридически закрепить именно свободу их формирования, а не конкретное содержание, которое может быть переменчивым.

В контексте формирования искусственных интересов эффективное использование манипуля-

тивных стратегий играет ключевую роль. Одной из таких стратегий является ограничение времени, предназначенного для анализа и принятия решений, проявляющееся, например, в предложении продуктов в ограниченные временные промежутки в условиях частых обновлений ассортимента. Дополнительно к этому осложнение или полное исключение возможности верификации условий в сфере имущественных отношений также способствует созданию псевдоинтересов. Это усугубляется при отсутствии альтернатив, когда товары первой необходимости доступны исключительно через специфические каналы распространения, ограничивая выбор потребителя. Подобные механизмы вместе формируют структуру, в которой потребительские предпочтения могут быть искусственно сконструированы. [1].

Подобные манипулятивные практики не должны допускаться, поскольку они явно представляют собой противоправные действия, направленные на контроль поведения участников этих отношений. Эти действия лишают человека свободы выбора, изменяя его восприятие, мнения, мотивы и цели в сторону, выгодную определенной группе.

Зарубежные научные эксперты настаивают на необходимости введения в цифровой среде таких понятий, как когнитивная свобода и права человека, связанные с нейросетями. К таким правам относятся защита психической неприкосновенности, обеспечение конфиденциальности психического состояния и гарантия психологической целостности. Тем не менее существует опасение, что эти меры могут быть недостаточными для полного учета всех аспектов воздействия информационных систем на формирование человеческих интересов, включая взаимодействия внутри метавселенных. Например, хотя в настоящее время лишь немногие люди используют нейросетевые устройства, очевидно, что многие по-прежнему подвергаются манипулятивному влиянию со стороны владельцев социальных сетей через такие механизмы, как микротаргетированная реклама [7].

Статья 21 Конституции Российской Федерации утверждает защиту достоинства личности государством, подчеркивая, что ни одно обстоятельство не может служить причиной для его принижения. В расширенном понимании концепция личного достоинства включает в себя идею автономии личности. Это подразумевает, что государственные обязанности не ограничиваются лишь предотвращением необоснованных вмеша-

тельств в сферу личной автономии. Также к ним относится обеспечение условий, которые способствуют всестороннему развитию индивидуальности человека¹.

В научном анализе важно учитывать, что конституционные положения о защите человеческого достоинства могут лежать в основе правовой поддержки развития личных интересов в условиях цифровизации общества. Эти положения не только способствуют защите интересов через механизмы общественного и частного права, но и обеспечивают условия для устойчивого развития этих интересов в новых технологических реалиях. Таким образом, конституционное признание и защита человеческого достоинства играют ключевую роль в формировании подходов к правовой поддержке в условиях постоянно изменяющейся цифровой среды.

В гражданских и правовых отношениях воля участника проявляется через его волеизъявление, которое становится понятным и доступным для других лиц. Существуют разные формы волеизъявления, необходимые прежде всего для формирования договорных отношений, – к ним относятся оферта и акцепт. Кроме них существуют и другие виды, которые сейчас охватываются термином «юридически значимые сообщения» и урегулирование которых предусмотрено положениями статьи 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)².

Стоит отметить, что в некоторых случаях закон признает возможность искажения воли и, как следствие, волеизъявления. Если подтвердится наличие таких искажений, то сделка с подобными дефектами может быть аннулирована согласно статьям 170, 178, 179 ГК РФ. Такое положение подчеркивает, что закон защищает автономию воли участников.

Несмотря на тот факт, что воля индивидуальна, понятие интереса понимается законодателем как неизменный атрибут, присущий человеку и «защищающий» его от действий, приводящих к неблагоприятным последствиям как для самого человека, так и для общества в целом. Однако,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс Проф».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СПС «Консультант Плюс Проф».

учитывая высокий потенциал манипулирования общественным сознанием в цифровой сфере и, как следствие, создания ложных интересов, очевидно, что понятие «корыстный интерес», изложенное в статье 2 ГК РФ, неприменимо. Статью 1 ГК РФ следует трактовать как наиболее общую форму субъективных гражданских прав: человек имеет право на защиту своих интересов.

Важно уточнить, что право на защиту личных интересов реализуется через другое широкое право – право действовать по своему усмотрению. Осуществляя это право, человек приобретает и осуществляет общие формы гражданских прав. Это выражается в правоспособности (гражданская правоспособность, ст. 18 и 19 ГК РФ) и действии, посредством которого приобретаются и осуществляются гражданские права, возникают гражданские обязанности и исполняются эти права (гражданская ответственность). Правоспособность, как указано в пункте 1 статьи 21 ГК РФ, позволяет физическим лицам в цифровых системах реализовывать свои личные желания и интересы в рамках возможности совершения сделок, например, подписания пользовательского соглашения.

В рамках юридической доктрины предоставляется обширное толкование понятия информации, обладающей значимостью в контексте гражданского права. Определяется она как любые сообщения, включая заявления, уведомления, требования и извещения, которые вызывают юридические последствия, предусмотренные условиями конкретной сделки или законодательными актами. Тем не менее отсутствует разработка специфических нормативных регуляций, касающихся манифестации различных видов цифровых волеизъявлений, за исключением правил, связанных с офертой и акцептом.

В соответствии с новой редакцией статьи 160 ГК РФ, принятой в 2019 году¹, сделки, осуществляемые с помощью электронных средств, признаются заключенными в простой письменной форме, если выполнены следующие условия: во-первых, возможность копирования содержания сделки на физический носитель без изменений; во-вторых, обеспечение надежной идентификации участников сделки. Хотя обычно воспроизве-

дение содержания сделки на материальный носитель не вызывает технических затруднений, методы идентификации участников могут варьироваться и иногда представлять сложности. Менее проблематичной считается идентификация, осуществляемая через использование простой электронной подписи в рамках заранее определенных цифровых сервисов и адресов, согласованных между сторонами.

В соответствии с Федеральным законом «Об электронной подписи» [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**], простая электронная подпись включает в себя использование уникальных кодов, паролей или других аутентификационных средств, которые ассоциируют электронную подпись с определенным лицом. Таким образом, активность, исходящая из личного кабинета пользователя на интернет-ресурсе, доступ к которому защищен уникальными логином и паролем, может рассматриваться как пример такой подписи. В дополнение к этому для обеспечения юридической значимости простой электронной подписи в контексте юридических сделок необходимо наличие договора между сторонами, который приравнивает электронную подпись к рукописной и содержит механизмы, позволяющие идентифицировать подписывающее лицо, как указано в статье 160 ГК РФ.

В данном контексте иллюстративным является Постановление Арбитражного суда Поволжского округа под номером Ф06-17886/2022. В рамках договора между конфликтующими сторонами было оговорено, что документы, отправленные на электронные адреса, указанные в контракте, обладают юридической силой. Суд принял во внимание это условие и подтвердил, что обмен электронными письмами между сторонами обладал юридической значимостью².

Если стороны включили в договор пункт об электронных сообщениях, ситуация достаточно простая. Однако при обмене юридически значимыми сообщениями в цифровом формате без электронных подписей возникают дополнительные проблемы. Решение этих вопросов крайне важно, поскольку участники сделок часто обмениваются заявлениями о намерениях с помощью различных платформ мгновенного обмена сообще-

¹ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс Проф».

² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2022 г. № Ф06-17886/2022 по делу № А49-4644/2021 // СПС «Консультант Плюс Проф».

ниями или электронной почты, не оформляя этот способ связи в своих договорных отношениях.

Одним из практических примеров этого является отправка клиенту по электронной почте акта выполненных работ. В случае использования неподтвержденного адреса электронной почты для отправки официальных документов судебные органы могут прийти к выводу о неисполнении договорных обязательств, что ведет к юридической ответственности подрядчика за неуплату долга. Такой вердикт, основанный на формальном подходе к выполнению договорных условий, может быть воспринят как несправедливый и неразумный. Это, в свою очередь, потенциально негативно сказывается на репутации судебной системы, государственных институтов и правопорядка в целом.

В контексте анализируемого юридического случая значимым является методологический подход, принятый Девятым арбитражным апелляционным судом в рамках дела № А40-278013/2019 [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] и демонстрирующий применение статьи 160 ГК РФ. В данном прецеденте судебные органы признали заключение договора между сторонами, осуществленное через мессенджер WhatsApp, что подтверждается представленными истцом нотариально заверенными документами, включая анализ переписки и экспертизу интернет-ресурса ответчика. Последний содержал контактные данные, через которые осуществлялась связь между директором ответчика и истцом. Установление авторства сообщений, обоснованное статьей 160 ГК РФ, подтверждает соблюдение требований простой письменной формы сделки, что имеет ключевое значение для правового решения вопроса.

В заключение в рамках анализа регулятивных рамок, существующих в Российской Федерации относительно использования электронных средств коммуникации в правовых отношениях, следует отметить, что законодательство предо-

ставляет возможность передачи юридически значимых сообщений в электронной форме, отражая умеренно либеральную позицию.

Рассмотрение данного аспекта включает несколько ключевых положений:

1. Субъекты договорных отношений обладают правом на определение условий использования простой электронной подписи по соглашению сторон.

2. В ситуациях, когда требование о наличии подписи не прописано явно, и при этом идентификация отправителя сообщения осуществима, такая электронная коммуникация может нести за собой юридические последствия.

Тем не менее, как уже упоминалось, в законодательстве отсутствуют специфические правила, касающиеся формы юридически значимых сообщений, что создает определенные правовые пробелы. Судебная практика показывает, что правила, связанные с цифровой формой предложения и принятия предложения (оферты и акцепта), упомянутые в пункте 1 статьи 160 ГК РФ, не всегда адекватно применяются судами.

В этой связи возникает необходимость в явном закреплении различных вариантов цифрового оформления юридически значимых сообщений, которые не должны быть более строгими, чем те, что применяются для заключения сделок. Это поможет устранить существующие пробелы в законодательстве и обеспечит более последовательное и единообразное его исполнение.

Таким образом, законодательное закрепление четких правил и условий для признания юридически значимых сообщений в цифровой форме не только упростит правоприменительную практику, но и повысит доверие участников гражданских правоотношений при использовании цифровых технологий. Это также будет способствовать ускорению и упрощению делового оборота, что является важным аспектом в современном цифровом мире.

Список литературы

1. Звада О. В. Манипулятивные особенности политического дискурса в англоязычных СМИ // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2018. – № 1. – С. 23–30.
2. Иванова А. В. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2018. – № 3 (108). – С. 88–107.
3. Ладенков Н. Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. – 2021. – №1 (96). – С. 164–168.

4. Мухаметов Д. Р. Технологии big data в политических процессах: возможности и риски // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – № 6. – С. 143–149.
5. Новикова Т. В. Принцип автономии воли во внедоговорных правоотношениях международного характера // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 289–296.
6. Cameron L., Lamers L., Leicht-Deobald U., Lutz C., Meijerink J., Möhlmann M. Algorithmic Management: Its Implications for Information Systems Research // Communications of the Association for Information Systems. – 2023. – № 52. – Article 23.
7. Tesink V., Douglas T., Forsberg L., Ligthart S., Meynen G. Right to mental integrity and neurotechnologies: implications of the extended mind thesis // Journal of Medical Ethics. – 2024. – Vol. 50 (10). – P. 656–663.